

И. И. КОБЫЛИН

НА ПУТИ К КИБЕРНЕТИЧЕСКОЙ «ПРАВИТЕЛЬНОСТИ» ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ОДНОГО НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

В статье на примере монографии Эгле Риндзевичуте «Власть систем: как науки об управлении растопили лед холодной войны» рассматривается интегральный подход к изучению интеллектуальной истории позднесоветских научно-технических сообществ. Здесь история научных идей встречается с исторической социологией, культурными исследованиями и даже с историей повседневности. Результатом такой междисциплинарной «сборки» становится новый тип истории науки и научных сообществ. Речь уже идет не об автономной сфере производства чистого знания, а о сетях, связывающих ученых, инженеров, политиков, управленцев, идеологов и сотрудников спецслужб. Более того, эти сети включают в себя и нечеловеческих акторов. Анализируя деятельность Международного института прикладного системного анализа, Риндзевичуте убедительно демонстрирует как западная и советская технауки отражали социокультурные нормы своих обществ, и, сотрудничая, формировали новые представления, институты и материальные практики.

Ключевые слова: интеллектуальная история, (у)правление, науки об управлении, биополитика, советская «модерность», антропоцен

Специфика позднесоветской «модерности» вообще и ее научно-технической составляющей, в частности, вызывает в последнее время все больший интерес у историков. При этом многие работы, выполненные в этой области, вполне могут рассматриваться в качестве блестящих образцов той версии интеллектуальной истории, которая, практикуя интегральный подход, отказывается «от дихотомии “внутреннего” и “внешнего”, содержания и конкретных условий интеллектуальной деятельности»¹. К числу таких работ, безусловно, относится захватывающая монография Эгле Риндзевичуте «Власть систем: как науки об управлении растопили лед холодной войны»². Здесь история идей и научных концепций встречается с исторической социологией, культурными исследованиями, foreign affairs studies и даже с историей повседневности. Такая междисциплинарная «сборка» позволяет наметить контуры принципиально нового варианта истории науки и научных сообществ. Речь уже идет не об автономной сфере производства чистого знания, ни даже о науке, погруженной в экономический, социальный и политический контексты конкретной эпохи. Методологически опираясь на акторно-сетевую теорию Брюно Латура, Риндзевичуте убедительно показывает, как технаучные сети, связывающие ученых и политиков, инженеров и управленцев, «Восток» и «Запад», человеческих

¹ Репина 2008. С. 8.

² См. Rindzeviciute 2016.

и нечеловеческих акторов не только отражают и воплощают социокультурную нормативность контекста, но порождают новые нормы, институты и материальные практики. В случае с «Властью систем» мы сталкиваемся с интеллектуальной историей, которая демонстрирует материальные эффекты, производимые деятельностью интеллектуального сообщества (наделенного не автономией, а своего рода «агентностью») – эффекты, не запланированные политическими «заказчиками».

Обратившись к изучению Международного института прикладного системного анализа (МИПСА), открытого в октябре 1972 г. совместными усилиями американской и советской сторон и объединявшего ученых практически со всех континентов, Риндзевичуте прослеживает в т.ч. и генеалогию собственного метода. Действительно, послевоенный бум кибернетических и системных исследований сделал возможным тот «не-модерный» (в интерпретации Б. Латура), пост-позитивистский, анти-эссенциалистский способ постановки и решения проблем, который характерен для современных аналитических стратегий.

В конспирологических версиях истории холодной войны и распада СССР МИПСА и его филиал ВНИИСИ (ВНИИ системных исследований) часто описываются как структуры, призванные «инфицировать» советскую элиту идеологически чуждыми, либеральными ценностями и сделать ее «спящим» агентом Запада. Риндзевичуте не отрицает, что американские инициаторы проекта во многом опирались на теорию модернизации как основу гегемонистской стратегии США. Но описываемые ею внешнеполитические реалии оказываются несоизмеримо сложнее конспирологического «заражения». Послесталинский СССР сделал серьезную ставку на научно-техническую революцию и очень интересовался новыми – научными – методами управления, которые стали разрабатываться американцами еще до Второй мировой войны. Кибернетика, исследования операций (operations research), корпоративный менеджмент, теория систем, методы автоматизации управления, компьютерное моделирование – все эти управленческие новинки привлекали самое пристальное внимание советского руководства. Особенно важными признавались компьютерные технологии, экспорту которых в СССР и соцстраны препятствовал Координационный комитет по экспортному контролю (СОСOM). Это повышало заинтересованность СССР в развитии научных контактов с западными исследовательскими центрами. Риндзевичуте подробно описывает деятельность тандема Косыгин – Гвишиани, сыгравшего ключевую роль как в организации МИПСА, так и в попытке привить системно-кибернетическую «правильность» советской партии вообще³.

³ В 1969 г. Джермен Гвишиани – ученый, организатор науки и зять премьера Косыгина – защитил докторскую диссертацию по философии «Американская тео-

Термин «правительность»⁴, предложенный в свое время Мишелем Фуко, возникает в тексте Риндзевичуте не случайно. Фуко, тематизировавший в конце 1970-х гг. проблему управления и зафиксировавший рождение нового – биополитического – диспозитива организации власти, подробно рассмотрел становление либеральной «правительности». С его точки зрения она ставит под вопрос избыточное суверенное вмешательство в дела управляемых, полицейской регулирование и постоянную регламентацию их активности⁵. Предельно кратко основной тезис управленческой практики либерализма можно сформулировать следующим образом: как научиться управлять, не управляя; или как управлять не процессами, а с помощью процессов. На этом фоне советский тип авторитарного, централизованного и персонализированного правления, с его недоверием ко всякой стихийности и автономности, с его идеологическим диктатом и окостеневшей ритуальностью, выглядит архаичным монстром, пытавшимся произвести кибернетический «апгрейд» техник тотального подавления. В такой картине есть доля правды – первоначально советский интерес к системно-кибернетическим разработкам был обусловлен нуждами военно-промышленного комплекса и общей потребностью в наращивании контроля. Но сама кибернетика оказалась «постпозитивистской» наукой. Здесь старый эпистемологический идеал истины был потеснен прагматическим постулированием важности практического эффекта. Учение о саморегуляции, мультизадачность, самокоррекция на основе обратной связи, возрастание роли неопределенности – все это заставляло пересмотреть (и «либерализовать») принципы управления, унаследованные позднесоветской политической элитой от предшествующей эпохи. Системно-кибернетические исследования, в терминах Риндзевичуте, стали «перформативной интеллектуальной технологией», исподволь сдвигающей цели и задачи участников совместных проектов в рамках МИПСА.

Этот перформативный сдвиг затронул и сам Институт как целое. Сложившееся в ходе работы уникальное интернациональное научное сообщество оказалось в состоянии выйти – во всяком случае, частично – из-под опеки политико-дипломатического мира, стать до некоторой степени самостоятельным актором, способным формулировать и навязывать собственную повестку. Тщательное и нюансированное выстраи-

рия организационного управления». Его воспоминания о МИПСА и работы по теории управления см. Гвишиани 2007.

⁴ Здесь используется перевод фр. *gouvernementalite* и английского аналога *governmentality*, предложенный А. Писаревым и С. Гавриленко в их переводе книги Митчелла Дина «Правительность: власть и правление в современных обществах». См.: Дин 2016.

⁵ См. Фуко 2010, Фуко 2011. В описании Риндзевичуте сам проект Фуко оказывается лишь частью глобальной системно-кибернетической волны.

вание форм сотрудничества требовало быть предельно осторожными в выборе тем исследования – политическая и идеологическая нейтральность были неперенным условием существования МИПСА. В результате такого «деполитизирующего» ограничения сотрудники Института смогли очертить возможные границы совершенно иной – транснациональной и трансблоковой – политики, весь спектр потенциальностей которой (и «хороших», и «дурных») мы пока не можем оценить. Конечно, эту самостоятельность не стоит преувеличивать – сложившаяся вокруг МИПСА сеть всегда включала политиков, идеологов, агентов спецслужб. Но редукция подобного рода международных сообществ к фасадам, за которыми разворачивается «настоящая игра», еще менее продуктивна. Фасады, ширмы и побочные эффекты не стоит недооценивать – здесь возможны самые неожиданные превращения.

В числе конкретных разработок Института особое внимание Риндзевичуте уделяет двум проектам, связанным с глобальным моделированием экологических последствий человеческой деятельности. Первый проект – это разработка концепции «ядерной зимы», осуществленная учеными из США, Западной Европы и СССР⁶. Как полагает Риндзевичуте, в современной историографии холодной войны значение этой концепции часто умалется. А между тем ее влияние – и явное, и подспудное – на международную политику сложно переоценить. Конечно, попытки спрогнозировать результаты возможного ядерного столкновения делались уже в конце 1940-х. Но если эти более ранние исследования (проводимые, например, американским центром RAND) предполагали, что, несмотря на потери и серьезный ущерб с обеих сторон, победитель в атомной войне все-таки возможен, то модель «ядерной зимы» наглядно продемонстрировала проигрыш всех участников конфликта. Экологическая катастрофа, вызванная ядерными ударами, лишает смысла сам разговор о победе. Предложенный учеными сценарий тотального уничтожения стал своего рода триггером в переосмыслении нашего взаимодействия с природой вообще. Системный анализ и компьютерное моделирование сделали видимой «политику природы» как сложного трансформирующегося целого. «Покорение», «использование» и «контроль», присущие современному типу управления как людьми, так и природными процессами, должны теперь уступить место иной глобальной биополитике, способной учитывать неопределенность и обратную связь. Глубоко неслучайно, что активный инициатор проекта «ядерной зимы» советский математик Никита Моисеев одновре-

⁶ Хотя непосредственная работа велась не на платформе МИПСА, участники проекта были так или иначе связаны с теми сетями, которые установил институт. В случае с советской стороной, речь идет о прямом конкурентном вызове, брошенном монополии Гвишиани.

менно разрабатывал новую коэволюционистскую стратегию мирового развития, опираясь на идеи Вернадского о биосфере и ноосфере. А одним из ключевых западных членов общей команды был голландский атмосферный химик Пол Крутцен – будущий лауреат Нобелевской премии и разработчик (совместно с Юджином Стормером) концепции «антропоцена» как новой геологической эпохи. Хотя глобальное пост-ядерное замерзание вроде бы противоположно глобальному потеплению, беспokoяющему Крутцена сегодня, само осознание катастрофичности антропогенных климатических скачков возникло именно в начале 1980-х – во время совместной работы над расчетами «ядерной зимы».

Второй экологический транснациональный проект – уже закрепленный непосредственно за МИПСА – это исследование феномена кислотных дождей. Как показывает Риндзевичуте, работа над ним продвигалась едва ли не тяжелее, чем над прогнозированием общей судьбы после атомных бомбардировок. Действительно, речь здесь шла не о потенциальном будущем, а о разворачивающемся за окном настоящем. Работа над моделями требовала реальных данных, а они – особенно в СССР – часто были засекречены.

Но, полагает Риндзевичуте, несмотря на трудности в совместном достижении поставленных задач, именно тогда и именно в этой среде формируется тот комплекс представлений, который сегодня бросает открытый вызов и нашим практикам историописания.

Так, например, известный исследователь Дипеш Чакрабартти, работающий в рамках *postcolonial* и *subaltern studies*, в небольшой статье «Климат истории» подчеркивает, что теория антропоцена ставит под вопрос традиционное нововременное разделение на естественную историю и человеческую историю⁷. Долгое время природные изменения мыслились как обратимые, замкнутые в модусе «вечного» циклического возвращения, а потому неинтересные для историка. Однако стремительное развитие индустрии, сопровождавшееся освоением новых видов энергии, превратило человечество в геологическую силу. Люди настолько ускорили темп взаимодействия с естественной средой и настолько радикально изменили планету, что необратимость природных трансформаций стала, наконец, очевидной для них самих. Природа обрела историю и даже «субъектность»: из неподвижного, вневременного фона человеческой активности она превратилась в опасного контрагента, способного нас уничтожить. В этом – пронизанном апокалиптическими ожиданиями – контексте, утверждает Чакрабартти, писать отдельные истории капитала, колониальной экспансии или новых режимов власти уже недостаточно. Все эти исторические нарративы яв-

⁷ См. Chakrabarty 2009.

ляются «слишком человеческими». Даже «глубинная» и экологическая истории не отвечают требованиям антропоцена⁸. Необходим новый универсалистский метанарратив, чья задача – синхронизировать геологическое время Земли, биологическое время видов и слишком узко понимаемое до сих пор «историческое» время человеческих сообществ⁹. Этот универсализм должен быть равно далек как от гегельянской истории Духа, так и от марксистской истории капитала. «Скорее речь идет об универсальном, возникающем из сообща разделяемого чувства катастрофы. Это универсальное требует глобального подхода к политике без мифа о глобальной идентичности <...>. Предварительно мы можем назвать это “негативной универсальной историей”»¹⁰.

В 1979 г. Жан-Франсуа Лиотар, описывая постмодернистский мир кибернетического управления и информационных технологий, настаивал на том, что недоверие к метарассказам – главная характеристика этого мира¹¹. Сегодня история сделала очередной круг и неутешительные экологические прогнозы, серьезность которых была осознана не в последнюю очередь благодаря системно-кибернетическим исследованиям, требуют нового – уже «гео-био-исторического» метанарратива, способного синхронизировать нас со всей планетой и всеми ее обитателями. Перспективы историописания такого рода еще более чем неопределенны. Но тем важнее разобраться в той относительно недавней научной «предыстории», которая делает это новое историописание возможным.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Chakrabarty D. The Climate of History // *Critical Inquiry*. Winter 2009/ P. 197-222.
- Jordheim H. Introduction: Multiple Times and the Work of Synchronization // *History and Theory* 53 (December 2014). P. 498-518.
- Rindzeviciute E. The Power of Systems: How Policy Sciences Opened Up the Cold War World. Ithaca; London: Cornell University Press, 2016. 292 p.
- Гвишиани Д.М. Избранные труды по философии, социологии и системному анализу. – М.: «Канон» + РООИ «Реабилитация», 2007. 672 с. [Gvishiani D.M. Izbrannye trudy po filosofii, sociologii i sistemnomu analizu. – М.: «Канон» + РООИ «Реабилитация», 2007]
- Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 592 с. [Din M. Pravitel'nost': vlast' i pravlenie v sovremennyh obshhestvah. М.: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2016. 592 s.]
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с. [Liotar Zh.-F. Sostojanie postmoderna. – М.: Institut jeksperimental'noj sociologii; SPb.: Aletejja, 1998. 160 s.]
- Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории // *Диалог со временем*. 2008. № 25-1. С. 5-11 [Repina L.P. Konteksty intellektual'noj istorii // *Dialog so vremenem*. 2008. № 25-1. P. 5-11].

⁸ О непоследовательности экологической истории см. Савицкий 2014.

⁹ См. недавнее перепрочтение понятия «синхронизации»: Jordheim 2014.

¹⁰ Chakrabarty 2009. P. 222.

¹¹ См. Лиотар 1998.

- Савицкий Е. Оберегать природу и защищать общество: о некоторых противоречиях в целях и методологии экологической истории // Новое литературное обозрение. 2014. № 126. URL <http://nlobooks.ru/node/4814>. [Savickij E. Oberegat' prirodu i zashhishhat' obshhestvo: o nekotoryh protivorechijah v celjah i metodologii jekologicheskoy istorii // Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. № 126]
- Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. 448 с. [Fuko M. Rozhdenie biopolitiki. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1978-1979 uchebnom godu. SPb.: Nauka, 2010.]
- Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 544 с. [Fuko M. Bezopasnost', territorija, naselenie. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1977-1978 uchebnom godu. SPb.: Nauka, 2011. 544 s.]

Кобылин Игорь Игоревич, кандидат философских наук, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина; kigor55@mail.ru

On the way to the cybernetic governmentality intellectual history of one scientific community

The article is devoted to the contemporary intellectual history of the late Soviet scientific-technical communities. Using the example of Egle Rindzeviciute's monograph "The Power of Systems: How Policy Sciences Opened Up the Cold War World", the integral approach to research that marks the actual work in this field is considered. Here the history of scientific ideas meets with historical sociology, cultural studies and even the history of everyday life. The result of this interdisciplinary "assembly" is a new type of history of science and scientific communities. This is not about a closed, autonomous sphere of pure knowledge production, but about networks linking scientists, engineers, politicians, managers, ideologists and intelligence officers. Moreover, these networks include not only human, but also non-human actors. Analyzing the activities of the International Institute for Applied Systems Analysis, Rindzeviciute convincingly demonstrates how Western and Soviet techno-sciences simultaneously reflected the sociocultural norms of their societies, and, cooperating, formed new ideas, institutions and material practices.

Keywords: intellectual history, governmentality, policy sciences, biopolitics, soviet modernity, anthropocene

Igor Kobylin, PhD, Associate Professor, Department of World History, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; kigor55@mail.ru